

# «...В гигантском тигле бытия»

Сентябрьским днём пять лет назад ушёл из жизни поэт Николай Перовский



Большой лирический поэт, которому Небо предначертало жить и работать в Орле, а числить себя «пастухом облаков» и «гражданином мироздания». Его жизнеописание по трагичности и, одновременно, авантюристности могло бы поспорить с самыми изощрёнными приключенческими романами. Как всякую недоюжную личность, его сопровождали литературные мистификации, легенды и анекдоты. Сын репрессированных родителей, беспризорник и беглец из сталинских детдомов, колхозник в голодных казахских степях, шахтёр в воркутинских рудниках, баянист в сельском клубе и недоучившийся студент столицы — этот человек сделал себя сам. На смертном одре, то и дело возвращаясь из далёкого путешествия на ладе сознания, он рассказывал близким о своих разговорах со Львом Толстым, Ницше и Бетховеном...

...Что-то шептал мне  
на кухне  
обкраденный жизнью старик,  
гневом косила старуха;  
годами горбата,  
в комнате девушки  
я проглотил

своей проклятый язык,  
плыл и тонул на кушетке  
между Тверским и Арбатом.  
Свет был погашен,  
и на небе не было туч,  
время смешалось,  
в созвучьях запутались  
сроки,  
луч безымянной звезды,  
приблудившийся луч,  
словно космический цензор,  
просвечивал дивные  
строки...

Лирический поэт это не тот, кто слушаем сподобился ухватить осколок вечности. Как говаривал «серебряный бог» Блок, — «истинную поэзию всегда отличает чувство пути». То есть лирическое качество стихов должно идти по нарастающей. Тогда и срабатывает гегелевская максима насчёт науки, познающей абсолютную истину опосредованно, и поэзии, выражающей её непосредственно.

...На переломе и на стыке,  
на тонкой дужке коромысла  
струится космос  
безъязыкий,  
времён и судеб  
тайный смысл.  
И, может, высшая минута  
тебе даётся для того,  
чтоб лишь коснуться  
абсолюта,  
а не ослепнуть от него ...

Другой классический немец, человек смелого ума Карл Густав Юнг, исследуя пациентов с изменённым состоянием сознания (а ведь вдохновение — тоже своего рода «транс»), писал о некоей таинственной способности мысли «ковеществоваться», притягивать к себе будущие события реальной жизни. И обозначил феномен термином «синхронность». Так вот: истинный лирический поэт — пророк и

волхв почище иных. А всяческие «трансперсональные» переживания: прошлые жизни и дежа-вю — его родная стихия. Пусть из своей провинции он никуда не выезжал, но — совершенномудрый путешественник, не выходя за порог; не выглядывая в окно, видит естественное Дао...

...Бывает острое прозреньё,  
как взрыв в мозгу,  
что ты — живой,  
что ненависть, любовь,  
горенье  
в тебе, с тобой и над тобой.  
Ты только вскрикнул,  
хлопни дверью  
или засмейся —  
просто, вдруг —  
И тут же ветер и деревья  
тебя затают  
в общий круг...  
Мы в общем хоре все  
— солисты,  
но даже тот, кто безголос,  
в своём, особенном,  
регистре  
доносит шёпот свой  
до звёзд.

Есть ещё бретерские примечки, которыми владеет истинный лирик, — та самая «лирическая дерзость», то самое «широкое дыхание», тайные аллюзии, недоговорённость.

...Дымилась гладь  
его зеркальная,  
похоронившая луну,  
созвездия зодиакальные,  
отсыревая, шли ко дну.  
...И вслед за жаркими  
зарницами  
на берег хлынули лучи  
с людьми, отарами  
и птицами,  
первородёнными в ночи.

Каждое из этих стихотворений, если верить единой теории поля, голографической матрица мира. Некоторыми из них я попытался проиллюстрировать свои неуклюжие рассуждения. Но к чему фрагменты, если есть целое! Читайте лирику высокой пробы, если зачем-то вам это понадобилось.

Леонид АГИБАЛОВ

## ФИЛОСОФ

Наконец, в его серое здание  
заглянула ночная звезда,  
и мучительный смысл мироздания  
для него приоткрылся тогда.

И утратил он имя и отчество,  
и забросил земные дела,  
золотые плоды одиночества  
стал он прятать в утробу стола.

И пакуда звезда не отринула,  
он забыл, что живёт на земле,  
а потом мудрецам ледериновым  
говорил, усмехаясь: — Ну-ну!

Но в погоне за стилем отточенным  
он забыл, что живёт на земле,  
и в мозгу завелась червоточина,  
древоточец завёлся в столе.

Пожиная плоды самоменья,  
отвергая хвалы и хулы,  
ждал прозренья — дождался сомнения,  
уколовшего тоньше иглы:  
луч звезды, леденяще мерцающий,  
издевательски всё обещающий...

И ночами, гонимый бессонницей,  
отвергая бесцельный досуг,  
стал копаться он  
в собственной совести,  
доксался и выяснил вдруг:  
все родные и близкие вымерли,  
навсегда позабыли друзья,  
ветры времени начисто вывели  
дух добра из его бытия.  
Подожёл он, шатаясь, к столу —  
и костёр запылал на полу...

Но страшней, чем бегут  
от пожара,ца,  
он бежал от себя самого  
и увидел цветущий боярышник,  
и смертельно вцепился в него.

...Отыскал я могилу философа —  
ни травинки на ней, ни цветка,  
с той поры дорожу своим пасоком  
и степные пасу облака.

## АГАТ

Однажды в бухте Коктебеля  
нашёл я редкостный агат  
и возмечтал, как тот Емеля,  
что буду славен и богат.

Его прожигли и вкрапленны,  
изерли радугой внутри:  
то был природный перл творенья —  
осколок плазмы и зари.

Все любовались им в восторге,  
лаская, славил его,  
и он от тех словесных аргий  
свое утратил волшебство.

Он превратился в круглый камень,  
случайно выплывший со дна,  
из тех, которые веками  
катает глупая волна.

А я в бесцветных буднях быта  
сбежал вернуть свои права,  
чтоб у разбитого корыта  
искать волшебные слова.

## КАРИНА

Живописный портрет,  
Ольге Сорокиной  
где мы вместе с женой  
восседаем на фоне далёкого храма,  
забирает всё большую власть  
надо мной —  
вот комедия, вот мелодрама!

Театральной овчиной  
покрыта скамья,  
в росной мороси гроздь сирени,

за образом сновреца на манер соловья —  
пересмешник! — творит свои трели,

У прилежной художницы  
быстрая кисть,  
чтобы облик наш, белый и блёклый,  
всю прошедшую жизнь  
и забросил земные дела,  
всю грядущую жизнь  
обессмертить кармином и охрой,

Уловить и застопорить наши черты  
в моментальном, живом,  
быстротечном,  
воскрешая из пепла земной красоты,  
мимолётное делая вечным,

Нам на этой картине  
цветсти и цветсти,  
купиною гореть, не сгорая,  
нам дано до себя, молодых, достати,  
не старая и не увядая.

Как он пристально смотрит  
на мир, мой двойник,  
кисть умеет быть животворящей,  
этот дух, что из чрева  
искусства возник, —  
может он, а не я — настоящий?!

## СОКРАТ

Созраждан собственным любя,  
учил их безвозмездно:  
в себя заглядывать, в себя,  
стоять над бездной.

Пестрел триерами Пирей,  
но ни одна Кассандра  
не нагадала ни морей,  
ни Индий Александра.

Лишь он истории зачёт  
сдавал без проволочки,  
ну, а поскольку всё течёт,  
то не писал ни строчки.

Острил и спорил там и сям —  
нельзя прожить без денег,  
вот и шатался по гостям  
классической бездельник.

А был ваятель, говорят,  
что нет же — был баклуши,  
вот и добился! Так творят,  
когда ваяют души.

Нас всех прельщает горный свет,  
тропа змеится круто,  
да за спиной стоит сосед  
с целебной цыкутой.

## ЧАС ПИК

Час пик — все козыри на стол!  
Над площадями и полями  
полночный запах матиола,  
полночных звёзд живое пламя.

Душа гнездится в небесах  
и презирает хлеб насущный,  
рассудок — рекут на часах,  
земной потребности крест несущий.

Но наступает новый день,  
ночные рушатся обеты,  
душа отбрасывает тень,  
как все телесные предметы...

## ДИОГЕН

Вышел я в полдень с ночным фонарём,  
стал я искать человека,  
встретился с деревом и с муравьём —  
что за оказия? Эка!

Тот лихоимец, другой лиходей,  
вдруг я споткнулся — и в яме,  
глядь, а вокруг меня тыщи людей,  
все, как один, с фонарями...

В. Зябкину